Константин Нагаев

Сорок тысяч

антибиография

Константин Нагаев

Сорок тысяч. Антибиография

«Издательские решения»

Нагаев К. А.

Сорок тысяч. Антибиография / К. А. Нагаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740166-5

Есть такая избитая уже фраза «блюз простого человека», но тем не менее, придётся ее повторить. Книга 40 000 — это и есть тот самый блюз. Без претензии на духовные раскопки или поколенческую трагедию. Но именно этим книга и интересна — нахождением важного и в простых вещах, в повседневности, которая оказывается отнюдь не всепожирающей бытовухой, а жизнью, в которой есть место для радости.

ISBN 978-5-44-740166-5

© Нагаев К. А.
© Издательские решения

Содержание

Первый день 7
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Сорок тысяч
Антибиография

Константин Алексеевич Нагаев

Иллюстратор Мария Ильницкая
Редактор Светлана Захаренкова
Редактор Павел Банников

© Константин Алексеевич Нагаев, 2021
© Мария Ильницкая, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4474-0166-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый день

Расстояние между двумя людьми,
лежащими в одной постели, равно нулю, или примерно 40 000 километрам.
Журнал «Экватор Сибири», №6 (53), стр. 11.

С кухни несло вчерашним.

Проснулся разбитым. Долго лежал, осматривая комнату. Как всегда с похмелья проснулся раньше будильника. Теперь лежу в тишине, зная, что минут через пятнадцать он заверещит. Я прихлопну его ладонью и резко поднимусь с дикой болью в затылке.

Хорошо что у меня есть цель. Даже две. И обе привязаны к воде. Первая – вылить воду искавшую, но так и не нашедшую выход за ночь. Вторая – набрать ванну и без архимедства погрузить в нее тело. И две таблетки аспирина бонусом.

Но вчера все было прекрасно.

Был в сквере. Посмотрел на людей. Пофотографировал снег на обглоданных еловых лапах. Хорошо вышел снимок фонаря, стеклянный шар которого облепило снегом. Построил глазки молодым мамашам, выгуливающим своих оболтусов. Потом долго курил на лавке. Вероятно, смотрелся немного странно. Черное короткое пальто, взъерошенные волосы, фотоаппарат на плече, без шапки. И дурацкая улыбка.

Остановка. Парочка пьяненьких, менты, студентки. Какая-то женщина с банками в пакете и с отрешенным взглядом.

Наверное, едет к мужу в больницу. Может, ему раздробило руку на заводе, он в гипсе и не работает, а у нее еще, скорее всего, и кредит не выплачен за машинку, и дочери надо в школу на дискотеку денег дать…

Понесло меня домысливать чужую жизнь, твою-то мать. На хрен, на хрен…

Магазин. Ветчины, оливок, кукурузы, яиц. Водки бутылку, хорошей. Бумаги туалетной, рулона три. И возьму книжку… Какой-нибудь тупой женский роман про Хуана и Джейн, которые «безумной страстью сливались томно в единое целое» где-то под Житомиром. И хлеб.

Дом. Ключи злобно не хотели завершения прогулки, цепляясь зубцами за карман. Я их понимаю: только что было все – люди вокруг, смех. Опять же свежий воздух. А тут раз, как девок в сауне на продажу, выдернули, вставили, провернули. И на полке в коридоре до утра никому не нужные. Но замок сдался. Ботинки сняты, пакет с едой брошен на кухонный столе. Горит свет в ванной, а в мухинском стекле плавает бумажный пакетик с суррогатом чая.

И звонок сотового.

– Да.

– Звезда! Привет, товарищ.

Андрюха. Нежданно, но очень вовремя.

– Взаимно. Как дела?

– Блин, все разъехались, а мне выпить хочется.

Ну хоть честно, без всяких «я соскучился, давно не виделись».

– Я из дома выходить не хочу…

– Да говно вопрос, я уже пакет собрал. Сейчас приеду. Лады?

– Лады.

А гори оно синим пламенем, все одно лучше, чем разговаривать с самим собой.

– Тока я не один приеду.

– Андрюха, хватит меня сватать…

– Господи, кому ты нужен… Я себе возьму.

– Симпатичная хоть?

– А я че, знаю? Еще не выбрал. Да не боись, какие бы страшные ни были – водки хватит.

Ну тут он с лихвой приврал. Девки у Андрюхи всегда как на подбор, с одной конюшни – холеные, вороные. Так что пить придется только для смелости и за знакомство.

– Ладно, давай, я жрать пока нарежу, а ты там гайцам на уши не припадай. И у киоска с продавщицами не шушукайся.

– Ой, все, мамаша, хватит учить. Я выхожу. Пока.

Внезапно на плечи обрушилась усталость. Присел в кресло…

Удар. Еще удар. Стук. Что за?

– Открывай давай! Охренел совсем, полчаса стучу!

– Да щас, иду уже.

Щелчок замка, и он здесь. Канареечная куртка, серая шапочка и два пакета, еды в которых хватило бы победить голод в Африке.

– Уууу… Судя по следам подушки и охреневшему от радости взгляду, нас здесь ждали.

– Не язви, блин. Я ж не просто спал – это глубокий стратегический маневр. Один хрен пить, пока не кончится, а это уже завтра.

– Стратег! Мозг! Дольча и Габбана мысли! Знакомься, это Варвара.

В комнату протиснулось рыжеволосое существо со снегом на голове. В красных полусапожках на низком каблучке, каком-то непонятном вязаном пальто и ярко-синем шарфе непомерной ширины, обмотавшим голову так, что от лица остался лишь фрагмент, где за слипшимися ресницами подразумевались глаза.

– Добрый вечер, Варвара. Вам помочь чем?

Андрей практически бросил в меня пакетами с провиантом и затараторил:

– Зайчонок, отнеси кушать на кухоньку… А мы тут с Варварой Рюриковной сами разберемся. Вара-Варечка, давайте пальто, сумку. Вы так промокли. Быстрее к костру.

Под донжуанский щебет из коридора я побрел в кухню…

– Тапочки в коридоре под стулом!

– Разберемся!

Вот и снова водка, вот и дом родной… Я поставил чайник и достал стаканы. Люблю я именно граненые.

Хорошо что кухня большая… Это очень важно – чтоб кухня была большая. Или хотя бы средняя, или маленькая. Но главное, чтобы была. И все-таки желательно, чтобы большая.

Андрюха залетел на кухню и сразу пошел в атаку на пакеты. Что-то на стол, что-то в кастрюлю, что-то в тарелку, а вот это, в золотистой фольге, – на разделочную доску. Из его кармана выпали ключи.

– Ты что, на машине? Сдурел? Пьяный потом за рулем не поедешь! Здесь останешься, я сказал.

– Да щас прям! Я с водилой договорился – он на моторе прилетит и вывезет, надеюсь, к тому моменту пьяное тело в родные пенаты.

– А где?..

– В уборную пошла. Замерзла, видно, на улице. Теперь полчаса оттаивать будет.

– А что ж ты ее на улице держал?

– Я держал? – Андрей ткнул себе в грудь пальцем и сделал возмущенное лицо. Уши отъехали на затылок. – Да я ее первый раз вижу! Просто шла, я притормозил, спросил: «Хочешь, мол, красна девица, в горницу к добрым молодцам?», а она: «Попробуешь лапать – нос сломаю». Ну, я, конечно, охренел от такого приветствия. Говорю: «Что ж ты так? Я ж тя культурно посидеть зову, может, просто хочется, чтоб душа рядом живая была…» А она как кинется к машине – я, чесслово, чуть не обделался. Дверь распахнула и говорит: «Я поеду, но если что,

желтопузый, я из твоего „хаммера“ пионерский костер сделаю, понял?» Ну, я присох маленько. «Как зовут-то?» – спрашиваю, а она: «Как и в паспорте – Варвара». А потом: «Не боись – я вообще адекватная, но просто это не сегодня». Я сказал, что вопросов больше не имею… Ну. И вот мы здесь… Я вообще-то думал из своей гвардии кого-нить взять – Илонку или Зинку, но у одной зуб заболел, а у второй муж с рейса приехал… Дурынды крашеные… А че?

– Автомат через плечо… – прошипел я сквозь зубы. – Ты хватаешь на улице какую-то Варьку, которая обещает спалить твое корыто, и везешь ее ко мне? Ты сдурел, нах?

– Давай по пунктам, Глебушка. Хочешь хлебушка? – Андрей начал пихать в рот ломоть хлеба с маслом и колбасой.

– Убери на фиг.

– Не бубни. Ну, объясню для марсоходов и сантехников, – я никого не хватал. Я предложил, и она, согласен, хоть и несколько необычно, но согласилась. Насчет машины я не волнуюсь – на нее ведро динамита надо, чтобы ушатать, а у нее в сумке больше одной осколочной гранаты и не схоронишь. Про нос вообще молчу – его топором за неделю не перерубишь, от папы достался.

– Ага. Как и сарай, на котором ты щас ездишь.

Андрей проигнорировал укол.

– Кто она, не знаю, но если ты хочешь, тащи утюг и паяльник, а я – веревку и стул. По-нашему, по-стариковски, все выясним. Кто такая и на кого работает. Не хочешь? Электричество экономишь? Молодец. А везу ее к тебе, потому что так договорились. Сказал бы нет – я б без бабы и приехал. Все?

– Охренеть, я же еще и виноват? А если она…

– Что она? Коньяк весь выпьет? Так для того вроде и звали… Или отдаст твою, в хер никому не впершуюся подшивку газет за три года, превратившую твой балкон в склад сырья для туалетной бумаги? Кому? Норвежской разведке, чтобы в нее селедку заворачивали? Или заберет у тебя все чистое белье и продаст на блошином рынке? Так у тебя акромя вот этой салфетки, твою мать, ничего нет, а за нее много не выручишь. На спички только. Продолжать?

–…

– Вот увдишь – нормальная баба. Просто, видимо, надоело со всяким быдлом общаться, или одиноко, или ПМС, или еще хрен знает что. Я ей черепную коробку вскрывать должен, чтоб выяснить? Ну, села, не зассала, не начала орать «насилуют», или ментов там звать… Кстати, посмотри, где она там застряла… как бы вся через канализацию не ушла… А мне некогда. Еще морской салат готовить и лимончик препарировать надо…

И то верно – двадцать минут трем о неважном, Андрюха уже всю поляну обсервировал, а Варвара даже не подает признаков жизни. Залезла, небось, в заначку и последние двести звездно-полосатых сперла… А нет, вода в ванне шумит. Напевает себе гостья что-то…

Я прошел в коридор. Секунду поколебавшись, аккуратно постучал в дверь.

– Варвара, вы в порядке?

– Да все нормально, замерзла только, в ванну залезла, курю… Сейчас уже вылезу. Вы там пока без меня начинайте.

А у меня, как на грех, носки в тазу… И какого она в ванну полезла? За воду у нее что ли, дома не плачено? И что начинать? Пить – это можно. Или, может, она решила, что мы с Андреем… Хотя, в принципе, после «зайчонка» можно вполне предположить…

Мы опрокинули уже третью рюмку, когда она зашла на кухню.

Полотенце тюрбаном на голове, громадный, мягкий, теплый, мой самый любимый, спертый в Ялте на какой-то конференции халат, замотан поясом в два обхвата.

– Я там у вас вещи сушиться повесила – мокрые все. Я же с самого утра по городу шарахаюсь, все карманы снегом набиты. У вас хорошо, тепло. И меня Варей зовут, а не Варварой, как сказал Канарейка.

– Кто?

– Андрейка-Канарейка, сразу его так назвала, когда он на своем телковозе остановился в этом оранжевом пончо.

– Категорически возражаю, я не Канарейка! – Андреич демонстративно нахохлился.

– Опаньки… Как же я обшибалась… Тогда сидите и не чирикайте, уважаемый. Давайте лучше выпьем. За знакомство и прочие культурные мероприятия.

Андреич бровью не повел, взял бутылку. Бульк – и по сто грамм в граненых стаканах.

Вот ведь бывают такие – пришла в чужой дом, к двум неизвестным мужикам, ни хрена не боится, ванну оккупировала, всех определила, а теперь еще и командовать начала. Она или ебанутая, или блядь. А скорее всего, и то и другое. Презервативы по-любому. Два сразу для надежности, и спать в разных комнатах. И на разных концах города. И еще уколы в живот от бешенства.

Легкий взмах руки, и стакан, взлетая, делает петлю Нестерова в запрокинутую назад голову (шея у нее великолепная, нежная, а кожа чуть-чуть смугловатая). Легкий присвист сквозь зубы. Глазенки оживают и загораются. Ручонка подхватывает со стола бутербродик и провожает его вслед коньяку…

Тишина. Пауза. Аплодисменты. Примадонна приседает в реверансе. Публика в восторге.

– А вас как зовут, а то Канарейка тайну сию великую в бричке схоронил…

– Варь, ну перестань…

– Ладно-ладно… Не буду, обещаю. По чесноку… Вроде отпускает. Так как зовут вас, добрый хозяин таверны?

– Мама Глебушкой звала, но друзья зовут меня Глеб, а вы можете называть меня просто – Глеб Юрьевич.

– А давайте с вами, Юрьевич, за встречу выпьем.

– Однако! Вы же, милейшая, только что без малого стакан вложили в душу. И сразу второй акт, без антракта?

– Ну так это ж для согреву было, а теперь – за настоящее знакомство.

– А вас как по батюшке-то?

– Кондратьевна. Нагло вру. Борисовна. В девичестве.

– В смысле?

– Без смысла. Не замужем значит. Ну что, наливать будете, или вам спеть в голос?

– Пожалуй, лучше я налью.

– И то верно.

А вот голос у нее интересный. Бархатный, с небольшой хрипотцой. Почти детский. Вплетается в мозг, как ленточка в косу… а может, я просто давно не слышал женщин.

А питье меж тем пилось. Варя рассказывала дивные истории про подруг и их похождения. Андрей травил относительно свежие анекдоты. Потом опять немного пили, размышляли о строительстве нового моста и прочих чрезвычайно безразличных вещах.

В коридоре в куртке зазвенел мобильный. Андрюха подскочил, выбежал. Потом прикрыл дверь, и коридор наполнился потоком отборного русского мата. Пока он болтал, мы успели еще раз дерябнуть. При этом Варвара умудрилась занюхать коньяк рукавом рубашки. Моей.

– Ребятушки, извиняйте, у меня кое-какие диалоги с животными наклевываются, и я, как юный натуралист, не могу отказать себе и животным в удовольствии…

– Что случилось?

– Да блин, менты с прокурорами что-то не поделили, но выяснять отношения они приехали именно в мой бедлам. Так что я в путь… «гондола за мной ужо отчалила»! Лей дорожную!

АНДРЕЙ

…С Андрюхой познакомились еще в школе, в нашем родном городке. Он учился в параллельном, и всегда мутузил всех, кто хотя бы дышал не так как он. Да и этих мутузил. Но мне не доставалось, что было очень странно. Пару раз он даже вытаскивал меня из передряг. А за это я давал ему списывать…

Рос он с матерью, нервной белесой алкоголичкой, считавшей его отродьем и постоянно обвинявшей его в том, что она не работает и не может устроить жизнь… Порой она выбегала на улицу и орала: «Мудила ты, как и отец твой, чтоб те голову оторвало за твои корни!» Потом он пару дней ночевал у нас, ожидая, когда бес в матери возьмет отгул и можно будет забрать сумку с учебниками.

К концу лета, после девяностого, мать сгорела от водки. На похоронах было мало народу. Человек девять. Один из них был Михаил, отец Андрюхи. Он был серьезным, в очках с тонкой оправой. С тяжелым виноватым взглядом. Через три дня после похорон он увез Андрея с собой. Мне остались на память маленький стеклянный глобус и шрам на скуле после исторического полета с Андреем в овраг вместе с угнанным во дворе мопедом…

На отца он не злился. Как оказалось, тот каждый год пытался отсудить Андрюху. Но самый гуманный суд в мире всегда оставлял его вечно пьяной матери. Она же пропивала алименты, жгла его письма, делала все, чтобы сын ненавидел мир и, в первую очередь, отца. Так же, как она…

Встретились только через шесть лет. Я уже в универе учился. Случайно, на улице. Ловил машину, а остановился он.

Отец пристроил его в хорошую школу, а после окончания отправил на два года в Германию, грызть гранит экономтеории. Мачеха относилась к Андрею гораздо лучше, чем мать, и Андрей всегда про нее с теплотой говорил «Верочка Лексевна». Сразу по возвращении отец передал ему в распоряжение кафе в пригороде, купленное на сдачу от какой-то аферы с поставкой фанеры в Финляндию.

А через два года Андрюха былуже владельцем развлекательного центра, считавшегося хорошим местом для реализации любого досугового изыска, с жирной клиентурой, готовой за это платить. И при этом остался, на удивление, нормальным человеком. Еще у него была Ирочка, но это отдельная история.

Мы выпили.

– Деньги-то у тебя есть?

– Есть…

– Не, если надо, я могу занять немного, под восемнадцать процентов, квартира в залог…

– Ой, идите вы, Андрей Сергеевич, к козе в трещину.

– Не к козе в трещину, а в культурно-досуговый центр «Матрешка». Хотя можно подумать о ребрендинге. Ладно, водила приехал, я рванул. Завтречка обзвонимся. Варенька, вы – просто песня! Пока. Не балуй!

Последнее было обращено к массам в целом и имело столько же смысла, как реклама борьбы с курением…

Андрюха хватанул из пиалки пару маслин в ладонь, подмигнул и шагнул за дверь.

Подвисла тишина.

– Глеб, а давайте выпьем на брудершафт!

– Да вы, Варвара Батьковна, никак натрескались? Не буду, не обижайтесь. Я не стилист какой-нить, чтоб с дамским полом брататься. Есть на то свои причины. Не обижайтесь…

– Вот ты как?! Ну и хрен с ним, давай тогда просто выпьем?

– Вот это предложение я поддерживаю. Наливай. Может, в зал пойдем? Там диван…

– Глеб Юричь, ты за кого меня принимаешь, твою мать? Поймали дуру на дороге, посмешили и в постельку? Я думала: нормальные ребята, просто посидим. Я пойду.

– Варенька, Варюша, Варечка… щас грубость скажу, но заткнись и дай объяснить. Я устал. Устал сидеть на тверд ых стульях. Я сижу на них в офисе. Я сижу на них, когда еду домой. И сейчас я четыре с половиной часа сидел на твердом стуле. И задница одеревенела. Я просто хочу взять бутылочку и тебя, Варенька, и просто пойти сесть на диван, потому что он мягкий. И просто, по-нашему, по-девичьи, по-пролетарски потрепаться. А теперь продолжай начинать меня ненавидеть.

– Ну вот, блин, подарок судьбы, такой скандал испортил. А в зале тепло?

– Мало того, что тепло, там еще и не накурено. Я батл беру и рюмки, а ты закуску возьми. Если приставать не будешь, покажу свои фотографии.

– Даже не знаю, что выбрать… так уж и быть, фотографии.

И вот уже альбомы из шкафа перекочевали на журнальный столик.

– Ну, значит, вот… Это я на хребте. Между Бурятией и Читинской областью. Природа там нереальная. Глупо звучит, но это так. Когда из нашей грязи, денег и прочего дерьма вдруг прорываешься туда… А озера какие! Вот, смотри, придорожный божок. Весь в веревках. И не лень же эти ленточки вязать. Ну выйди ты у себя во двор. Обмотай березу какую-нибудь вдоль и поперек и возрадуйся! Ан нет, люди не такие. Прут через тайгу. Гнус собою угощают, сапоги топят. Но дойдут, завяжут ленточку. Загадают. Да еще и монетку бросят.

Мужики там… Знаешь, настоящие такие, без элегантности, без лоска. У кого шрам, у кого ожог. Небритые. Ручищи… ну, как стамеской точеные… Но при этом неговорливые. Только важное. Про охоту. Про зверя. Про сенокос. И никакой злобы или бахвальства. Ты с ними по-честному – и они с тобой по-людски. Староверов там много. Может быть, и поэтому.

А это мы на Байкале. Вода чистая. А тучи налетели – почернела вся моментом. Как нефть. Аж страшно стало. Во, старик бурят. Мы его бензином взгрели и патронами, а он нас мясом накормил. И водкой. На кедровых орешках.

А вот еще. Это уже севернее. Ближе к БАМу. Тут мы с ребятами с Домны познакомились… Серьезные тоже… Река у нас, мол, разлилась… Медведя, мол, видели… А потом в баню все поперлись. Выпили. Разговорились немного. Да, говорят, бывает тяжеловато, но не бежать же.

А вот на Алтае. Мамонтовский район… Снова озера… Ты уже засыпаешь, по-моему…

– Есть немного. Перемерзла видимо. Опять же…

Замерла. Передернула плечами. Поправила волосы.

– А я только в Турции была. Нам шефиня три путевки отстегнула от щедрот своих…

– А я вот не был. Больше все по-советски отдыхаю. Или антисоветски. Ну и как тебе?

– Знаешь, отели хорошие. Не фонтан, но чисто. Море там… Наши везде пьяные. Турки эти с их вонючим наташизмом… Вроде отдых как отдых. Но бесит: все готовое, все принесут. Какой-то отдых строгого режима. Похож на цукаты. И сладко. И фрукты. А на самом деле… Прости, конечно, пукнешь на пляже – уже несутся, вдруг что хотела белая госпожа… И такое за тремя слоями прикрытое хамство и злоба. Но больше чем турки наши бесят. Все их это вшитое в подкорку мудачество наружу лезет. В общем, отдохнула хорошо. Но больше не хочу. Спасибо. И да – спать хочу.

– Ясно с тобой все. Давай такси вызову.

– Давай. Любови я вам, граф, не обещала, а расставаться нам уже пора…

– Интересная ты особа, Варвара.

– Да и вы, Глеб Рюрикович, не плохи. Вызови машину. А я пока посуду уберу.

…Зашуршал снег под колесами. Гудок. Желтая «Волга». Пора.

– Варя, пора.

Она всю посуду перемыла. Ох уж эти женщины. Но я рад. Что врать-то.

– У тебя на холодильнике фотография девушки…

– Это Светлана. Бывшая, как говорят. Долгая история.

– Вот и хорошо. Если к утру не разочаруешься, значит, будет о чем поговорить при следующей встрече.

– А ты? Не разочаруешься?

Водила начал сигналить.

– Скорее всего, да. Но не сразу. Ладно, мне пора. Спасибо.

Щелкнул язычком замок. Стало тихо. Пусто. Причем настолько, что даже не хотелось выпить. Зато вечер, безусловно, удался.

«И почему я, дурак, не убрал эту Светкину фотографию? Глеб, ты идиот… Ну да Бог с ним». Потер руки и уверенно и бесповоротно побрел чистить зубы и намывать прочее…

СВЕТЛАНА

Мы прожили вместе шесть лет.

Еще в институте на последнем курсе я работал в одном издательстве фотографом. Вечерком как-то пили водку по поводу дня рождения нашего редакционного товарища, дяди Федора. Был февраль. Один из тех мерзких периодов, когда безумно сыро и ветер пытается залезть во все штанины, воротники и рукава. Поэтому пили зло.

На следующий день я, едва проснувшись, побрел по улице. Был обед. Да, точно, был обед. Я был «ну очень со вчерашнего» и есть не хотелось. Сидеть в конторе – тоже. И с чего-то я решил, что прогулка по околоарктическому климату будет мне мила и крайне положительно отразится на моем самочувствии. Напялив пониже шапку, намотав на шею шарф (эдакий двухметровый удав-радуга, связанный мне на день рождения бывшей подругой из института), подняв воротник пальто, я шагнул в ветер и повелел своим ногам идти.

Проскочил я всего один квартал и осознал, что лучше мне не становится. А вот потряхивать начинало еще сильнее. И как кстати оказалась автобусная остановка с милым сердцу киоском.

Я заскочил внутрь. Стащил одеревеневшими пальцам с носа шарф и попытался улыбнуться продавщице. Как я понял по ее реакции, мое лицо полностью отражало меру страданий и их причину.

– Бутылочку пива, только не холодненького, светленького.

– Что, прямо так?

– Несомненно!

– У нас пить нельзя, хозяйка ругается.

– Да я и не собирался. В пакетик положите. В непрозрачный.

– Ленточку повязать?

– Спасибо, рассмешила. И пачку сигарет. «Кент», четверка.

Покончив с торгами и финансами, я на секунду представил, как мило и не торопясь доберусь до редакции, тихонько проскользну в курилку и там, на подоконнике, сидя прямо над батареей, выхлестаю с горла микстуру и закушу ее сигареточкой. И мир будет спасен. Божественно.

Я открыл дверь и сделал всего один шаг. И тут же нечто темное, сопровождаемое женским визгом, обрушилось на меня. Я инстинктивно отпустил пакет и подхватил на руки поклонницу ньютоновских яблочек.

«Блядь!» – хрустнул во весь голос пакет при ударе стеклянного об ледяное. «Блеа-а-ать» – отозвалось эхо во внутренней пустыне мозга. Планам спасения мира через отдельно взятого индивидуума пришел пиздец.

– Простите, извините, я не специально. Поскользнулось вот.

Темно-синий пуховик. Съехавший набок капюшон-труба. Опушка в инее…

– Спасибо. Я сначала подумал, что вы преднамеренно. А сейчас вижу – нет. Даже полегчало, – сухо выдал я, ставя объект на место. В смыслу на ноги.

Пиво вытекло из пакета и прихватилось на брусчатке желтым пятном в форме попавшего под каток осьминога. Наклонился, подхватил пакет с боем и отправил его в урну. Спи спокойно, дорогой спаситель…

– М-да… Здоровье мое теперь в непоправимой опасности…

– Ой, а вы из аптеки шли?

– Ну да. Типа того.

Поправила капюшон. Одернула куртку.

– Мне так… А может, я вам денег дам на лекарства? Что я говорю?… Скажите, как оно называлось – я сбегаю куплю.

– Не купите.

– Почему?

– Потому что это была вакцина от армянской коньячной лихорадки. Ее только под заказ делают.

Пауза. Жду реакции. А пока можно достать сигарету и закурить. Тем более повод явно есть…

– Пиво, что ли?

– Ага. Решил вот, понимаешь, в себя вернуться. А пришлось спасать вас. Супермену не до здоровья в такие моменты.

Она откинула капюшон и улыбнулась. Приятное лицо. Немного резкие черты. Скулы такие монгольские. Но очень мило. И глаза большие.

– Меня Света зовут. А вас?

– Ну так как за знакомство мы уже бутылочку раздавили давай на ты. Я Глеб. Фотограф. И теперь, видимо, трезвенник.

– А я через две остановки работаю, в обменнике. Кассиром.

– Рад безумно. Ты симпатичная.

– Знаю. Только неуклюжая немного.

– Это мы потом разберемся. С тебя пиво и встреча после работы.

– Можно.

– А парень твой ревновать не станет? Или муж там.

– Я не замужем и с парнем рассталась три месяца как.

– И ты вот так первому встречному все рассказываешь. А вдруг я – насильник. Или того хуже – коммивояжер?

Улыбнулась. И снова красиво.

– Супермены – они не такие. Вот мой автобус. До вечера!

Она резко сорвалась и залетела в салон.

«Хорошо как получилось. Она ничего. Надо будет созвониться… Твою-то мать!»

Одним рывком, чуть не разбив нос об стекло двери, я каким-то чудом протиснулся в автобус.

Светлана стояла через два человека впереди, спиной ко мне. Но протиснуться было нереально… На следующей остановке сзади ко мне прижалась еще парочка страждущих доехать сограждан. А вот и вторая остановка.

Какая-то древняя старуха с клетчатой китайской сумкой и тележкой с рюкзаком рванула на меня. Я спустился на ступеньку, подхватил бабкин скарб и вытащил его на улицу.

– Спасибо, сынок.

– Да ладно, мать, обращайся.

И тут из автобуса вышла она. А я стою, как дерево- идиот. Лыблюсь. В одной руке сумка, в другой – тележка, на плече старушка висит.

– Я тут подумал. Ты же неуклюжая. А вдруг поскользнешься. Упадешь… А я так не согласен, ты мне пиво должна…

Старуха забрала у меня такелаж и почесала дальше…

– Блин. Точно супермен. Вот мой обменник. Мне пора уже.

– Да я не возражаю. Только это… Номерочек дай. На всякий случай. Вдруг там вестибулярный аппарат опять пошатнется…

– Точно. Называй свой.

Она достала мобильный. Маякнула. Значит. точно хочет встретиться.

– Ну, тогда в семь?

– Давай в семь тридцать… Тут на повороте кафешка. Мы туда с девчонками ходим иногда. Там тепло и можно курить.

– Заметано.

И пошла. А я побежал. Нет. Стартанул через дворы, навстречу ветру. И побоку похмелье. Вечером у меня рандеву. Ну, давай, ветер, останови меня!

Я ворвался в редакцию. Сразу в курилку. Там стоял Трофимыч с Женей. Над чем-то посмеивались.

– Ты откуда такой одухотворенный и мокрый?

– Не сейчас. Тут такое дело. В общем…

– Сколько?

– А ты как догадался?

– Милый мой, я знаю, когда мальчик забегает с мороза с такими глазами в курилку. Ему нужны деньги. И тут два варианта. Либо ударил машину, либо ударился о секвойю с разбега, то есть влюбился. Машины у тебя, босота, нет. А на первое свидание без денег идти – моветон. Как зовут-то?

– Меня?

– Идиот. Ее!

– А… того… Светлана.

– Судя по тому, что ты произнес ее имя полностью – это серьезно. На вот. Но с отдачей. Через неделю. У нас тут не общество помощи при амурах. И с тебя рассказ о первом свидании с нимфой. Хочу знать, на кого пошли инвестиции…

– Спасибо, Трофимыч! Дай я тебя обниму.

– Ну уж, не хер. Иди к Симке, у нее там шабашка для тебя есть. Какую-то богадельню с танцами и блядьми открыли на двадцать шестом. Им надо антураж поснимать для рекламы. Глядишь, и отдашь поскорее.

Встретились мы с ней вечером. Посидели, потрепались. Она была наполовину татарка, наполовину украинка. Приятный голос с легкой картавостью, и очень ухоженные руки. Закончила финансовый. Снимала квартиру на пару с подругой.

Мы съехались через полтора месяца. Вернее, она переехала ко мне. И мир расцвел.

Мы мотались по городу до утра. Неделями не вылазили из кровати. И снова гуляли.

Так прошло самое светлое лето в моей жизни. Без преувеличения. Все просто радовало. Все.

Какие-то концерты. Выезды на природу. Встречи с друзьями. И ночи. Горячие, до покалывания в ступнях.

К осени мы были уже сформировавшейся парой. Притершейся. Монолитной. И весь мир затаенно следил за нами и оберегал.

Я начал неплохо зарабатывать. Шли заказы. А однажды мне перепал заказ интимного свойства. Не буду углубляться в подробности, но две респектабельные пары попросили поснимать их совместные увеселения. А тут как раз подвернулся вариант с двухкомнатной на третьем этаже в спальном районе. И хозяин готов был отдать с рассрочкой на полгода (квартира

осталась ему от тетки, а в деньгах он не очень нуждался). В общем, денег, полученных за ту съемку, а, вернее, за молчание, хватило, чтобы заплатить сразу половину стоимости.

Квартиру я оформил втихаря от Светки. Мы свезли с хозяином оттуда все барахло. Я нанял работяг ободрать все обои и линолеумы. Добрые тетки за отдельную плату отмыли всю квартиру. А я закрепил на пустой кухне собственноручно мойку.

Светкин день рождения был четырнадцатого февраля. В тот самый придуманный праздник. Я приехал за ней на работу. Посадил ее в такси и повез. Она допытывала всю дорогу, куда мы едем. На что я лаконично ответил, что товарищ, мол, попросил полить цветы, заскочим на секунду, и в ресторан.

Мы зашли в пустую квартиру. «Хороший район, – сказала она. – Но здесь нет цветов. Здесь вообще ничего нет. Только одна коробка из-под телевизора в зале». «А может быть, они в коробке?» Света открыла ее. Там лежало пять роз, бутылка вина, плед, кусок сыра из супермаркета и два граненых стакана.

– Слушай. Это мило, конечно. Но непонятно. Ты так решил меня поздравить? Положив цветы в коробку?

– Вина давай выпьем.

– Ничего не понимаю. Я думала, мы посидим где-нибудь, потом прогуляемся по городу – погода-то, вон какая хорошая. А потом поедем домой…

– А я решил все сделать наоборот. Сначала мы поедем домой. Потом прогуляемся. А потом пойдем в ресторан или кафе там…

– Глеб, ты меня путаешь и пугаешь.

– Солнце мое солнечное. Светочка! Разве тебе не нравится здесь? Посмотри, какой вид из окна. А какая кухня! А спальня! А ванная одна чего стоит! Расстелим плед. Выпьем. Закусим. Подумаем, какие занавесочки повесить.

– В смысле? Я все, пас, открывай карты.

– Мы дома. Это наша квартира. Это наш зал, кухня. Спальня – наша. Не съемная. И даже вид с балкона – только наш.

Светка села на пол. Откупорила бутылку. Налила полный стакан вина и выпила его одним махом. И вдруг вся заметалась (я даже испугался, что ей в гузку угодила шаровая молния) и понеслась по квартире. Хлопала фрамугами окон, кричала что-то наподобие «А вот тут надо еще розеток!», «Смотри. Скворечник на дереве!», «А здесь вот гардеробную можно сделать!»… Весь этот пятиминутный марафон закончился тем, что она тихо зашла снова в зал, села рядом, заплакала и подарила мне поцелуй. Такой, знаете… Самый второй. Вот первый запоминаешь на всю жизнь, а второй помнишь до смерти…

И началась суета… Ремонт… Мы перепроверили на себе кучу строителей… Или они на нас… Светка носилась с какими-то безумными идеями. Но в итоге все устаканилось. Обзавелись имуществом для совместной жизни. Устроили новоселье. И даже мама приехала. Подарила сковородку и пинетки «А что? Вдруг внуки пойдут? Слава Богу, место есть теперь, где малым бегать». Мы обнимались и были… Да, черт возьми, счастливы!

Напротив нашей кровати стена была расписана полностью. Венеция. Лодки какие-то. Площадь. Голуби. Причем не похабно так, а-ля Арбат на скорую руку, а очень даже живенько.

За квартиру я расплатился. И, как оказалось, вовремя. В нашем издательстве поменялся собственник. Привел свою команду и порезал штат. Ну а что я скажу? Это их деньги…

Заказов стало меньше… Подрабатывал как мог. Но на жизнь хватало. Не голодали и позволили себе даже смотаться пару раз в Крым.

На одном из заказных выездов познакомился с парой чуваков из банка… То ли «Внешторгпромстройсбыт», то ли еще как то. Посидели. Попили. Спросил, можно ли устроить к ним Светку. Она давно уже изнывала от однообразия в своем валютном шапито. Вот как-то так и устроилась специалистом в отдел рефинансирования. Опять же диплом подтвердила.

Мы завели собаку. Продали нам его как сеттера, но когда щенок подрос, стало ясно, что интерфейс у него совершенно иной. Нестандартный. Имя дали ему «Гай», ибо он по детству гадил в коридоре и грыз тапки одновременно. Существо было веселое, до неприличия жизнерадостное и бодрячковое. Я каждый день с утра таскался с ним на улицу, причем, чем отвратительнее была погода, тем раньше у него возникала потребность справления естественных нужд. Я выходил во двор, Гай начинал наматывать круги, а я курил и спал одновременно.

А вот с детьми у нас не складывалось. Светка всячески оттягивала этот процесс. То у них отчет на носу, то еще какая-то херь по Чехову. Я не торопил. Молодые. Время есть.

Все начало меняться. Светка стала задерживаться на работе (срочные дела), приходить пьяной (день рождения у начальника департамента). Начались длительные командировки. Сначала по стране, а потом и в Европу. И она приезжала и рассказывала об успешных людях, о том, что я себя не могу реализовать, о новых возможностях. А на вопрос «Так когда мы детей-то заведем?» отвечала «Ты совсем меня не слышишь». Вскоре начались скандалы. И она улетала снова. А я, лежа в холодной кровати, пялился на черно-белую Венецию. И ждал.

Она улетела. В Лондон, на месяц. Редко отвечала на письма и звонки. Ужасно уставала. Мне звонила мама и слышала только, что « у нас все просто замечательно». Гай начал часто скулить. Терял равновесие. Я отвел его к ветеринару, нашли опухоль. Врач вышел в коридор и просто, между делом, сказал: «Надо усыпить. Решать вам, но животное мучается. Надо». Я отписал Светке. Она ответила через два дня: «Привет. Очень жаль. У меня все хорошо. Не волнуйся».

Я выжрал бутылку водки. Просто так. Не понимал, почему ей настолько наплевать. В ее «жаль» не было места для жалости. Это был стандартный ответ. Будто не родное существо теряешь… Не знаю даже. Мебель.

Утром отвез Гая в клинику. Не отпускал. Сидел с перегаром, в тумане, небритый и обнимал пса… Потом его увели. Я заплатил деньги в кассу, а мне выдали его завернутого в простынь. Друга. Моего друга. Я его отпустил.

Гая я закопал на пустыре за домом, там, где мы с ним прогуливались вечерами. Андрюха приехал, помог. Жутко тряслись руки. Мы утоптали холм вровень, от греха подальше.

Андрюха увез меня к себе. Постелил на диване, и больше за вечер мы не перекинулись ни словом.

Она прилетела через два дня.

Я вернулся со съемки. В коридоре стоял ее чемодан. Светка чем-то шубуршала в зале.

– Привет.

– Ой, блин, испугал.

– Как съездила?

– Нормально все. Ты мое свидетельство о рождении не видел?

– Нет. А на кой оно тебе? И что ты не переоделась? Я там покушать приготовил.

– Я не буду переодеваться. И…– она не смотрела в глаза. Пристально так не смотрела. Куда угодно, только не в глаза. – Нам надо с тобой поговорить.

Бляха. Я знал. Я знал и ждал. Верить не хотел. Но знал.

– Давай так. Я пойду поставлю чайник. А ты минутки через две приходи на кухню. Там и поговорим. Хорошо?

– Ладно. Только…

– Что?

– Да ничего. Потом.

Я прочапал на кухню. Зажег газ. Набрал воды. Поставил чайник на плиту. Достал кружки с нашими именами (друзья подогнали на новоселье) и бросил в них пакетики с чаем. Сел.

Светка зашла тихо. Села напротив. Чайник засвистел. Я налил кипятку.

– Глеб, ты только не психуй…

– Я знаю, что ты хочешь сказать. И я никогда не психовал. И не дергал тебя. Просто скажи причину. Почему?

Замолчала. Затеребила рукав блузки.

– Чай пей. Остынет.

Отхлебнула немного. Поставила на стол.

– В общем… Я хочу больше. Я расти хочу. Развиваться. Посмотреть мир. Добиться чего-нибудь. А рядом с тобой…

Я сорвусь. Точно сорвусь. Встану и уебу ей табуреткой. Раз пять. А потом пущу газ.

– Что со мной не так?

– Все так. Но по-твоему. Ты зажат в этом своем мирке. В этой квартире. В своем кругу знакомых. В своей безуспешности. Ты себя не реализуешь. Живешь одним днем. Ты даже машину не купил за эти годы.

– Свет, какая, на хрен, успешность? Ты о чем? Я создал дом. Поддерживал тебя во всем. Не дергал по пустякам и был искренне рад твоим достижениям. Но я хочу ребенка. Хотел. Сына. Нашего. А может, и девочку. А может, и еще одну. Хотел быть хорошим отцом и мужем. Сам. Без нянек. Без блеска и ротожопства. Хотел просыпаться с тобой и тихонько прокрадываться на кухню, чтобы приготовить завтрак. А потом гулять по аллее и пинать громадные красные листья. Хочу жить так, чтобы никому не надо было завидовать или объяснять. И чтобы никому ничего не доказывать и ни от кого не зависеть. Помогать людям и встречаться с друзьями. А не с те, с кем «надо». Семью я хочу – нормальную, крепкую, настоящую. А машина… А машину, свет, блядь, в твоем окне, я не хочу. Не хотел никогда. и вряд ли захочу. Мне это не нравится. Если тебе она так нужна, кто мешает? Что ты мне боишься прямо сказать, не наминая сисек и не оставляя меня виноватым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.